

УДК 821.161.1.09
doi 10.17072/2073-6681-2020-4-136-146

УИЛЬЯМ БЛЕЙК В СОВЕТСКОЙ РЕЦЕПЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «РЕВОЛЮЦИОННОГО РОМАНТИКА»

Вера Владимировна Сердечная

к. филол. н., научный редактор

Издательство «Аналитика Родис»

142400, Россия, Московская обл., г. Ногинск, ул. Рогожская, 7. rintra@yandex.ru

SPIN-код: 5683-8515

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8718-3556>

ResearcherID: AАН-9753-2020

Статья поступила в редакцию 10.04.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сердечная В. В. Уильям Блейк в советской рецепции: формирование образа «революционного романтика» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 4. С. 136–146. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-136-146

Please cite this article in English as:

*Serdechnaia V. V. Uil'yam Bleyk v sovetskoj retseptsii: formirovanie obraza «revolyutsionnogo romantika» [William Blake in the Soviet Reception: Forming the Image of 'Revolutionary Romantic']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 4, pp. 136–146. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-136-146 (In Russ.)*

Статья посвящена малоизученному аспекту русской рецепции творчества Уильяма Блейка: оправданию поэта в советской критике и науке как «революционного романтика». Цель статьи – охарактеризовать стратегии осмысления наследия Блейка в СССР. До 1957 г. имя Блейка встречалось в печати крайне редко. Однако в 1957 г. о нем начинают активно писать в советской прессе, его творчество становится объектом исследований. «Оправдание» Блейка в советской критике связано с переосмыслением его фигуры как «революционного романтика». Основными акцентируемыми чертами творчества этого поэта и художника стали его революционный пафос, демократизм, гуманизм и антиклерикальные мотивы.

Автор собирает и классифицирует упоминания Блейка в советской литературной и художественной критике, энциклопедических изданиях, а также литературоведческих и искусствоведческих исследованиях, вводит в научный оборот малоизвестные факты рецепции, обобщает советский взгляд на Блейка как на «революционного романтика»; все это придает статье научную новизну. В исследовании использованы культурно-исторический, сравнительно-исторический методы, а также принципы рецептивной эстетики.

Ключевые слова: Уильям Блейк; английский романтизм; советская критика; символистская критика; советское литературоведение; предромантизм.

На рубеже XIX и XX вв., в эпоху Серебряного века, Уильям Блейк оказался для русского читателя актуальным автором. Его поэтическое творчество было осмыслено как современное, символистское по своей сути [Венгерова 1896; Венгерова 1897; Бальмонт 1904; Bidney 1987]. О нем писали, его переводили: не только Бальмонт, но и Гумилев, и Владимир Эльснер [Сердечная 2019а; Сердечная 2019б]; с ним вступали в творческий диалог Бальмонт и Гумилев, Балтрушайтис и Хармс [Brandist 1997; Сердечная 2019в].

Блейк интересовал не только символистов и встречается не только в символистской критике [Warner 1983–1984].

Понимание Блейка как «темного» мистика и символиста восходило к взглядам зарубежных критиков рубежа веков, таких как А. Гилкристи [Gilchrist 1863], А. Суинберн [Swinburne 1868], У. Б. Йейтс и Эллис [Blake 1893]. Элиот и Йейтс трактовали его произведения в мистико-символическом духе. Вслед за ними З. Венгерова считала Блейка предшественником английского

символизма: «Прародитель современного символизма в английском искусстве, соединяя в себе мистика-окультиста с поэтом, для которого его таинственные видения являются лишь отражениями отвлеченных истин, Вильям Блэк указал искусству путь философского понимания природы и красоты, получающей у него сокровенный смысл» [Венгерова 1897: 156]. Бальмонт также считал Блейка предком и символистов, и прерафаэлитов [Бальмонт 1904].

Еще в 1919 г. книжка Блейка была упомянута в планах издательства «Всемирная литература» [Каталог 1919: 61], однако эти планы не были реализованы. Горький не любил Блейка за мистицизм и говорил Маршаку, что не стоит его переводить [Чуковский 2013, т. 13: 380]. Репутация мистика и декадента, созданная Блейку зарубежными критиками-модернистами и подхваченная русскими символистами, надолго закрыла ему путь в советскую печать.

История советской рецепции Блейка осталась малоисследованной. За рубежом была опубликована неполная и во многом ошибочная библиография [Bentley 1977]; в России – более точная, но все же неполная библиография с 1834 по 1991 гг. [Гиривенко, Недачина 1994]. Краткие обзоры советской рецепции включены в диссертации и монографии о Блейке [Васильева 1969; Косачева 2002; Смирнова 2003; Токарева 2006]. Сами исследователи советского периода писали в основном о единодушии советской блейкианы: «Советское литературоведение всегда рассматривало Блейка в социально-историческом контексте его эпохи» [Зверев 1982: 21]. Мы считали важным обратиться ко всем видам текстовых источников, создающих образ советского Блейка. Материалом послужили статьи в прессе и энциклопедических изданиях, а также научные исследования: статьи и монографии.

Вплоть до 1957 г. упоминания о поэте в советской прессе были крайне редки; Маршак не опубликовал ни одного перевода Блейка с 1918 по 1942 гг. В 1930 г. краткая статья «Блэк»¹ появляется в «Литературной энциклопедии»; С. Р. Бабух отмечает в ней, что Блейк объединяет два главных направления: готический романтизм с его «ужасами» и культ природы. Правда, автор замечает, что в приключенческой готике Блейка превзошли Х. Уолпол, А. Ратклиф и В. Скотт, а в пейзажной лирике – Бернс и Вордсворт [Бабух 1930].

В 1950 г. Блейк крайне негативно упоминается в книжке В. Городинского «Музыка духовной нищеты», посвященной джазу. Поэт становится символом разложения западной цивилизации. Так, музыка композитора Карла Раггlsa вызывает у критиков «ассоциации с творчеством Вильяма Блэка <...> больного мистика, которого

весьма чтили и английские декаденты: “прерафаэлиты” и российские декаденты-символисты. Мистик с головы до ног, Карл Раггls в своих бессвязных композициях силится “озвучить” дикие видения Вильяма Блэка, истерические поползновения в потусторонний мир, на небеса и преисподнюю...» [Городинский 1950: 117]. Очевидно, что для автора Блейк воплощает собой все недостатки «загнивающего» Запада. Однако встречалось и другое мнение о Блейке, условно-положительное. А. К. Виноградов пишет в 1924 г., приводя монохромную копию страницы из «Песни Лоса», что Блейк – «и великий художник и великий поэт» [Виноградов 1924: 108–109].

В 1945 г. М. Н. Гутнер пишет главу о Блейке в трехтомной «Истории английской литературы», где одним из первых дает более точное написание имени поэта (Блейк, а не Блэк) и помещает его в контекст времени. Он считает Блейка предромантиком: по его словам, творчество поэта «проникнуто в целом воинствующе-гуманистическим, бунтарским пафосом, редким у английских предромантиков XVIII века. Завершая в своих ранних произведениях демократические традиции поэзии Гольдсмита и Каупера, Блейк предвещает в то же время отчасти творчество революционных романтиков XIX века» [Гутнер 1945: 613]. В этой статье уже намечается будущее «оправдание» Блейка: Гутнер отмечает революционный настрой поэта, его поддержку французской революции и общение с «вождями английской демократии – Годвином и Томасом Пейном» [там же: 614].

В 1947 г. Блейк упоминается в переводной статье Н. Бентли: «Только очень немногие из иллюстраторов той эпохи обладали таким могучим интеллектом и творческим воображением, как Вильям Блэйк <...> большинство его произведений органически связано с мистической поэзией, которой он в равной мере обязан своей славой» [Бентли 1947: 11].

В 1956 г. Блейку посвящена страница в учебнике А. А. Аникста «История английской литературы». Автор не без осуждения говорит о религиозности Блейка: «Его поэзия проникнута религиозно-мистическим ощущением таинственных сил, управляющих жизнью» [Аникст 1956: 196]. Но он уже отмечает демократизм поэта: «Манере Блейка не чужда символика, которая оказывается у него средством выражения глубоко прогрессивных и демократических идей» [там же]. Аникст также пишет о поэте как о предшественнике Байрона и Шелли – «революционных» романтиков.

Советская критика следовала в этом отношении западной. В середине XX в. в зарубежном блейковедении наметился поворот: Блейка нача-

ли исследовать как революционно-демократического поэта. Критики марксистского направления М. Шорер [Schorer 1946], Я. Броновски [Bronowski 1944; Bronowski 1969] и главным образом Д. Эрдман [Erdman 1954] доказали, что Блейк писал, обращаясь к своим современникам, и остро откликался на актуальную повестку дня, включая политическую. Эти книги читали русские исследователи.

В 1956 г. на русском языке публикуется книга британского историка-марксиста А. Л. Мортон «Английская утопия» (в Великобритании она вышла в 1952 г.), в которой сочувственно обзревается творчество Блейка. Здесь, во-первых, автор отмечает, что Блейк «не был ни в коем случае сумасшедшим мистиком» [Мортон 1956: 148]. Во-вторых, Мортон утверждает традицию говорить о Блейке как о поэте талантливым, даже великом, прежде всего – в силу демократичности его поэзии. Пророческие книги таят в себе не «извращения буржуазного ума», а демократическое содержание, пусть и высказанное в несколько смутных символах: «Все они, хотя и написаны в присущей Блейку символической манере, выражают основные идеи того радикального кружка, в котором он вращался и где преобладающее влияние принадлежало скорее Пейну, чем Годвину. В них переданы восторг по поводу свержения тирании и вера в наступление новой эры для Франции и всего мира» [там же: 149]. У Блейка Мортон находит и самобытную диалектику, что позволяет говорить о поэте как о марксисте: «...он обратил свою диалектику против механического материализма, который рассматривал как доктрину капитализма на данной фазе развития» [там же: 150]. Книга Мортон стала одним из ключей к пониманию Блейка как революционера и передового деятеля.

Советский Блейк официально «родился» вместе с оттепелью. В 1957 г., в год двухсотлетия Блейка, о нем выходит столько публикаций по всему Союзу, сколько не выходило до сих пор [Елистратова 1957; Некрасова 1957; Рогов 1957; Шагинян 1957 и др.]: очевидно, о нем было решено открыто писать и говорить. Важнейшую роль в «реабилитации» Блейка сыграло решение Всемирного совета мира: «По инициативе Всемирного совета мира 200-летие со дня рождения Блейка было встречено как праздник всего прогрессивного человечества» [Елистратова 1960: 68]. Юбилейные статьи вышли во многом похожими, с повторением одних и тех же соображений и даже одних и тех же цитат.

Блейк с его «подпорченной» символистами репутацией нуждался в серьезном оправдании. Аргументами для этого стали революционный пафос его стихов, «рабочее» происхождение, ан-

тиклерикальные мотивы и гуманизм. Блейк в глазах советского критика становился настоящим революционером: «Война за независимость США и в особенности французская буржуазная революция 1789–1794 годов озарили своим пламенем все творчество поэта» [Елистратова 1957: 190]; «Темы рисунков и стихов Блейка и есть, в сущности, высокая пропаганда средствами искусства великих идей свободы, равенства, братства...» [Шагинян 1957: 4]

Для марксистского литературоведения важно было подчеркнуть близость Блейка к народу: он «вырос в ремесленной среде» [Елистратова 1957: 189]. Также было важно отметить отражение в его стихах классовой борьбы: «Поэзия Блейка, как и его живопись и графика, была живым вызовом общественной несправедливости, которую он так остро ощущал и так ненавидел» [там же: 190].

Было необходимо оправдание религиозности Блейка. Ключом к этому оправданию стали гуманизм и «народность» его веры. «С <...> официальной, ханжеской религией господ, оправдывающей “волей божией” общественное неравенство, угнетение, разрушительные войны, утопическая мечта Блейка <...> не имела ничего общего <...> Какие бы фантастические видения, какие бы силы неба и ада он ни изображал в своей поэзии, в центре ее всегда стоит человек» [Елистратова 1957: 190]. О «Иерусалиме» из поэмы «Мильтон» М. С. Шагинян сообщает, что он «поется в наши дни рабочим классом Англии как боевая революционная песня» [Шагинян 1957: 3], хотя в действительности «Иерусалим» до сегодняшнего дня бытует как религиозный гимн.

Наконец, пророческие поэмы Блейка трактовались как продукт творческого упадка: «Поворот, который, начиная со второй половины 1790-х годов, все заметнее проявляется в творчестве Блейка, во многом объясняется тем трагическим одиночеством, вынужденным отторжением от массового, народного читателя, на которое был обречен поэт» [Елистратова 1957: 191].

Хорошим тоном в литературоведении советского периода стало осуждать переводы Бальмонта и хвалить переводы Маршака: «Бальмонт, переводя Блейка, крайне односторонне интерпретировал его, отбирая из него по преимуществу самые мистические и темные вещи и особо усиливая их символическую отвлеченность <...> переводы С. Я. Маршака из Блейка <...> – это живые цветы искусства, которыми советский народ встречает двухсотлетие со дня рождения Вильяма Блейка, великого романтика-гуманиста» [Елистратова 1957: 192]; «В переводах Бальмонта Блейк предстает как поэт-мистик. Такому декадентскому осмыслению гениального английского поэта-демократа противостоит иной под-

ход к его творчеству С. Я. Маршака, раскрывшего Блейка как поэта-бунтаря и защитника угнетенных» [Аникин, Михальская 1975, 200].

Представленные тенденции в освещении творчества Блейка сохранялись в течение всего советского периода. Только некоторые авторы боролись с узким тенденциозным освещением фигуры и творчества Блейка. Например, Т. Н. Васильева из Кишинева, которая вступалась за «пророческие поэмы», отстаивая их эстетическую ценность и глубину содержания: «Без “пророческих книг” Блейк еще не был Блейком. Именно здесь его поэтическое творчество достигло зрелости и расцвета» [Васильева 1969: 34].

На протяжении всей советской блейкианы исследователям было очень важно отстоять «своего», советского Блейка, выпутать его из пелен ложных зарубежных толкований. Так, М. Шагинян писала: «О Блэйке почти не было серьезных литературных исследований» [Шагинян 1957: 4]. Комментируя традицию западного блейковедения, А. Елистратова пишет: «Возрождение интереса к Блейку <...> надолго приобрело односторонний и даже нездоровый характер» [Елистратова 1960: 53]. Д. Урнов также отмечает: «...в кругах модернистов <...> популярность Блейка еще более возросла, причем на первый план выдвигается литературщина, заумь, эротика» [Урнов 1989: 91]. А библиография о Блейке, опубликованная Е. Некрасовой, носит красноречивое название «Лучшие общие работы о У. Блейке, написанные с прогрессивных позиций» [Некрасова 1960: 68], и включает труды Броновски, Шерера и Эрдмана и других критиков-марксистов.

В стремлении сделать Блейка главным образом революционером советские критики доходили до самых неожиданных высказываний, близких к вульгарному социологизму. Например, Д. М. Урнов так комментирует знаменитое стихотворение «Лондон»: «...революционный пожар вот-вот может перекинуться с континента на острова, в то же время в город могут быть введены прусские войска, вызванные английским королем, немцем по происхождению, так что апатия и тоска на лицах, наблюдаемых поэтом, – это не просто повседневные тяготы жизни, не только бедность, это тревога за судьбы родины» [Урнов 1989: 90]. Г. В. Аникин и Н. П. Михальская прямо объявляют Блейка антихристианином: «Нравственные идеи Блейка несовместимы с христианской этикой» [Аникин, Михальская 1975: 199].

Советская ударная «битва за Блейка» привела к важному результату. Уже в 1975 г. Е. А. Некрасова пишет о том, что советский читатель немало узнал о Блейке и полюбил его: «Блейк вдруг вошел в число общепризнанных и обще-

принятых, как-то само собой разумеющихся мировых имен. То, над чем мы (С. Я. Маршак, я и еще несколько человек) бились десятилетиями, наконец растолковано и объяснено» [Некрасова 1975: 46]. Однако достаточно точен и ее вывод о том, что «эта популярность отчасти достигнута за счет некоторого упрощения – почти до прописных истин – философски-сложных и запутанных концепций его поэтических произведений» [там же]. Действительно, Блейк, прочитанный прежде всего как лирик, стал просто одним из ряда «революционных» романтиков.

В советской теории литературы романтизм был подразделен «на два основных течения (крыла) – консервативное (реакционное) и прогрессивное (революционное), которые различаются в первую очередь по характеру социально-политических взглядов и деятельности романтиков, по преобладающей связи их с реакционными или прогрессивными социальными силами» [Ванслов 1966: 25]. Горький писал: «...пассивный романтизм <...> пытается или примирить человека с действительностью, приукрашивая ее, или же отвлечь от действительности к бесплодному углублению в свой внутренний мир, к мыслям о “роковых загадках жизни” <...> Активный романтизм стремится усилить волю человека к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета ее» [Горький 2004: 615]. Эта классификация надолго утвердилась в советском литературоведении. Блейк, говоривший в своих пророчествах о революционном преобразовании мира, был однозначно отнесен к «прогрессивным» романтикам, так же как Байрон и Шелли.

Однако в 1957 г. исследователи еще не были уверены, что его можно в полной мере отнести к романтизму как таковому, и высказывались уклончиво: «Блейк был первым провозвестником романтического направления в английской литературе» [Елистратова 1957: 189]; «Он стал предтечей революционного романтизма Шелли и Байрона» [Некрасова 1957: 4].

Впрочем, и в Англии Блейк был признан одним из «большой шестерки» поэтов-романтиков только в 1970–1980-х гг. Большую роль в утверждении Блейка как романтика сыграли Д. Эрдман, решительно преодолевший миф об оторванности поэта от своего времени [Erdman 1954], и Г. Блум, написавший, в частности, о том, что «современная английская поэзия – изобретение Блейка и Вордсворта» [Bloom 1968: 17]. Блейка начинают включать в антологии романтической поэзии [Auden, Pearson 1950; Bewley 1969 и пр.]. Постепенно великая пятерка романтических поэтов (Вордсворт, Колридж, Байрон, Шелли, Китс) превратилась в великую шестерку, *Big Six*.

В СССР и позже в России исследователи Блейка разделились на два лагеря: одни уверенно говорили о Блейке в контексте предромантизма, другие относили его к романтикам. Убедительно о связи Блейка и романтизма в русской критике говорит А. М. Зверев: пророческие книги он называет первым романтическим эпосом, а Блейка – первооткрывателем романтического мифологизма [Зверев 1982: 19]. Однако тут же Зверев утверждает, что Блейк не принимает таких общих мест романтической мысли, как «примат идеального над материальным» [там же: 20], и здесь он рассуждает как исследователь лирики Блейка: в крупных пророчествах весьма явно выражается идея брэнности физического тела, которое является результатом «грехопадения» в мифологии Блейка.

А. А. Елистратова одна из первых утверждала, что Блейк – это не просто предшественник романтизма, а поэт-романтик. Объединяет она великих поэтов-романтиков Англии, от Блейка до Китса, на основании единства социальной проблематики: «...они в разной форме и с разной степенью последовательности и глубины стремились ответить на те новые важнейшие запросы и требования, которые вытекали из революционных социально-исторических потрясений их времени, – эпохи крушения феодального строя и установления буржуазного господства» [Елистратова 1960: 43].

Признавая Блейка «пионером революционного романтизма», Т. Н. Васильева находит в его поэзии следующие признаки романтизма: субъективизм, демократизм, реакция на наполеоновские войны и промышленный переворот, борьба с догматизмом и буржуазной цивилизацией [Васильева 1969: 30–38].

Е. А. Некрасова отмечает: «Если применить к Блейку всю номенклатуру эстетических категорий, характерных для романтизма <...>, то все ответы будут точно соответствовать прогрессивной разновидности романтизма» [Некрасова 1975: 46]. Эти критерии – в основном тематические:

- критическое отношение к капиталистической действительности;
- преувеличенная оценка значения искусства в освободительной борьбе человечества;
- борьба с механистичностью теории подражания;
- элементы диалектики;
- мечта о небывалом расцвете искусства в грядущем царстве свободы [там же].

Таким образом, все крупные исследователи Блейка в СССР – А. А. Елистратова, Е. А. Некрасова, Т. Н. Васильева – настаивают на том, что он является полноправным представителем романтизма.

Крупнейшим исследователем Блейка как поэта в советское время стал кишиневский ученый Т. Н. Васильева. В ряде статей 1956–1976 гг. она создала объемный образ Блейка – мифографа, эпика, мыслителя. В статье монографического объема «Поэмы Блейка (“Пророческие книги” XVIII–XIX вв.)» приводится подробный анализ пророчеств с цитатами в подстрочном переводе [Васильева 1969]. Она впервые в истории советской науки делает вывод об объективной причине сложности его поэм: «Сложность его поэзии – сложность значительных, имеющих объективную ценность мыслей, возникших в субъективном стремлении охватить и переосмыслить все причинно-следственные связи, истолкованные в XVIII в. в духе рационалистической догмы» [там же: 35]. Более того, исследователь утверждает мысль о единстве творчества Блейка, которая также у нас еще не звучала: «...лирика составляла подтекст больших поэм и создавалась попутно с ними» [там же: 39]. Т. Н. Васильева говорила об оправданности сложной формы и непростого содержания поэм Блейка с позиций своего времени: «Коммунистическому грядущему, его создателям будет близок и дорог Блейк, певец Свободы, Красоты и истинной Человечности» [Васильева 1969: 310].

Деятельность Блейка-художника, Блейка-гравера привлекала меньше внимания. Е. А. Некрасова много лет исследовала Блейка как художника, выпустила несколько статей и две книги, познакомив тем самым советского читателя примерно с сотней произведений автора [Некрасова 1960; Некрасова 1962]. Она отмечала растущее с течением времени мастерство Блейка-художника, не совпадающее, по ее мнению, с развитием его литературного дара: «Если в литературном наследии Блейка мы ценим больше всего его раннюю безыскусственную лирику, то в области изобразительного искусства он создает лучшие свои произведения в последние годы жизни <...> Он равно владеет мастерством живой и упругой линии, четко ограничивающей пластически ясные формы, и сияющими, “как драгоценные камни”, красками, образующими простые, лаконичные композиции» [Некрасова 1960: 65]. Е. А. Некрасова также оценивала творчество Блейка как демократическое, революционное.

1980-е гг. были отмечены более активным «выходом» Блейка к диалогу с советской публикой. В 1970–1980-е гг. к Блейку обращаются в стихах И. Бродский («Песня невинности, она же – опыта», 1972, и др.), Г. Алексеев («Англия и Вильям Блейк», 1986), В. Блаженный (в ряде стихотворений). В 1982 г., после нескольких небольших сборников, вышло серьезное академи-

ческое издание переводов Блейка, билингва, включившее большую часть лирики и несколько поэм, в том числе впервые переведенных [Блейк 1982]. Вместе с тем критические и литературоведческие статьи стали появляться реже: словно в рамках существующей парадигмы научного знания и литературной критики о Блейке уже все сказано ранее.

Так, Д. Урнов в своей главе в «Истории всемирной литературы» пишет о Блейке те же краткие биографические сведения, так же вписывает его в контекст революционного отношения к жизни, связывая это с протестантской религией Блейка: «...он действительно являлся наследником и продолжателем традиций религиозно-революционного протестантизма, того самого, которое, по словам Маркса, пользовалось языком и страстями Ветхого завета для выражения своей политической программы» [Урнов 1989: 89]. Даже творческое одиночество Блейка Урнов выводит из его протестантски-революционного духа: «...сектантства в Англии всегда опасались даже больше, чем атеизма, именно потому, что в религиозных разногласиях гнездилась сословно-классовая вражда, некогда приведшая к революции и гражданской войне» [там же]. Н. Старосельская в рецензии на сборник Блейка также указывает на «органичный демократизм, без которого творчество Блейка было бы невысказано» [Старосельская 1980: 233]. Более глубоко и подробно пишет о Блейке в 1980-х гг. А. Зверев, воссоздавая сложное строение его мифологической вселенной и рассуждая о романтизме в целом, не разделяя его на «прогрессивный» и «пассивный» [Зверев 1982] и показывая знакомство с ключевой для блейковедения книгой Нортропа Фрая «Ужасающая симметрия» [Frue 1947].

Русской советской рецепции Блейка в той или иной мере следовала и рецепция в критике и переводах союзных республик. Она также началась в 1957 г. [Факторович 1957; Kenchoshvili 1958 и др.], была ориентирована на марксистскую критику и трактовала Блейка то как предромантика [Šilina 1982], то как революционного романтика (в работах Васильевой). В позднесоветских исследованиях уже активнее говорилось о связи Блейка с библейской традицией [Майсурадзе 1990].

Мировое блейковедение в эти десятилетия шло вперед, предлагая новые методы анализа текстов и живописи Блейка. Продолжались исследования связи творчества Блейка с мистическими и религиозными учениями [Raine 1969 и др.]. Блейка исследовали с позиций постмодернистской деконструкции [Middleton 1983; Sławek 1985 и др.], синтетического анализа (т. е. неразрывного единства слова и изображения в его

книгах) [Mitchell 1978 и др.], лингвистического анализа [Hilton 1982; Hilton, Vogler 1986; Essick 1989 и др.], психоанализа и феминистской критики [Tayler 1973; George 1980; Aers 1981; Ostricker 1982–1983 и др.]. В США были основаны два регулярных блейковедческих издания: журнал “Blake studies” и газета “Blake newsletter”, впоследствии ставшая журналом и переименованная в “Blake / An illustrated quarterly”.

Можно согласиться с выводом Г. А. Токаревой о том, что «смелые попытки литературоведов 1950–1960-х гг. дать общее представление о творчестве Блейка были лишь первым знакомством с художественной системой поэта, к тому же авторы были вынуждены интерпретировать его поэзию с учетом жестких идеологических требований эпохи» [Токарева 2006: 4]. Советская рецепция Блейка в общем следовала социально-историческому подходу Эрдмана, Броновского и других критиков-марксистов.

Вместе с тем в русском блейковедении этой поры были заложены основы переводоведческого анализа [Сухарев 1976; Токарев 1980; Демидова 1987 и др.], который со временем – в научных исследованиях Т. Токаревой и И. Гусманова [Токарева 2006; Гусманов 2014–2016] – станет своего рода новой методологией исследования Блейка.

Путь, который прошел Блейк в русской рецепции и – шире – в мировой, является по своему уникальным. Как и некоторые другие авторы эпохи романтизма, он был мало известен при жизни; однако после «открытия» Блейка в 1860-х гг. его популярность постоянно росла, и сегодня его можно по праву считать одним из самых известных английских романтиков. Образ самого Блейка, его персонажи и мотивы живописи отражены во многих культурных явлениях самого различного порядка: от симфонической до рок-музыки и от кинематографа до популярной литературы. Советская критическая рецепция внесла в этот процесс свой вклад, создала свой собственный образ Блейка – революционера и богборца, образ, который был, может быть, и не так органичен для его произведений, зато успешно вписывал его в рамки концепции «революционного романтизма».

Примечание

¹ Так фамилию Блейка писали в России вплоть до 1950-х гг.

Список литературы

Аникин Г., Михальская Н. Уильям Блейк // История английской литературы. М.: Высшая школа, 1975. С. 195–200.

Аникст А. История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1956. 464 с.

- Бабух С.* Блэк // Литературная энциклопедия. М.: Коммунистическая академия, 1930. Т. 1. Кол. 521.
- Бальмонт К.* Праотец современных символистов (Вильям Блэк, 1757–1827) // Бальмонт К. Горные вершины. М.: Гриф, 1904. С. 43–48.
- Бентли Н.* Искусство книжной иллюстрации в XIX столетии: Блейк, прерафаэлиты, Бердслей // Британский союзник. 1947. № 29. С. 11.
- Блейк У.* Стихи = Selected Verse / пер. С. Маршака и др.; ред. А. М. Зверев. М.: Прогресс, 1982. 558 с.
- Ванслов В. В.* Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 402 с.
- Васильева Т.* Поэмы В. Блейка («Пророческие книги» XVIII–XIX вв.) // Ученые записки Кишиневского государственного университета. 1969. № 108. С. 26–311.
- Венгерова З. А.* Вильям Блэк – родоначальник английского символизма // Венгерова З. А. Литературные характеристики. СПб.: Винеке, 1897. С. 153–182.
- Венгерова З. А.* Родоначальник английского символизма // Северный вестник. 1896. № 9. С. 81–99.
- Виноградов А. К.* Организация центральной библиотеки С.С.С.Р. как культурный памятник Ленину. М.: [б. и.], 1924. 530 с.
- Гиривенко А. Н., Недачина А. Р.* (сост.) Английская литература в русской критике: библиографический указатель. Ч. 1: Средние века – XVIII век. М.: РАН. Институт научной информации по общественным наукам, 1994. С. 161–165.
- Городинский В.* Музыка духовной нищеты. М., Л.: Государственное музыкальное издательство, 1950. 138 с.
- Горький М.* Повести. Рассказы. Сказки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 730 с.
- Гусманов И. Г.* Русский Блейк: лирика Уильяма Блейка в зеркале русского художественного перевода: монография. Т. 1–4. Орел: Орлов. гос. ун-т, 2014–2016.
- Гутнер М.* Блейк // Анисимов М. П. и др. (ред.) История английской литературы. Л.: [б. и.], 1945. Т. 1. С. 613–622.
- Демидова О. Р.* Некоторые стилистические особенности переводов стихотворения У. Блейка «Тигр» К. Бальмонтом и С. Маршаком // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. 1987. № 5. С. 126–133.
- Елистратова А. А.* Вильям Блейк: Поэт и его время (К 200-летию со дня рождения) // Иностранная литература. 1957. № 10. С. 189–192.
- Елистратова А. А.* Наследие английского романтизма и современность. М.: Академия наук СССР, 1960. 506 с.
- Зверев А.* Величие Блейка // Блейк У. Стихи = Selected Verse / пер. С. Маршака и др., ред. А. Зверев. М.: Прогресс, 1982. С. 5–33.
- Каталог* издательства «Всемирная литература». СПб.: [б. и.], 1919. 174 с.
- Кенчошвили* – კენჭოშვილი ი. უილიამ ბლეიკი: [ინგლისელი პოეტი და მხატვარი] // მნათობი. თბილისი. № 3. გვ. 163–165 (на грузинск.).
- Косачева Е. В.* Йейтс и Блейк: Мистический язык и миф: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 245 с.
- Майсурадзе М. В.* Идея и образ человека в лирических циклах У. Блейка: дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1990. 145 с.
- Мортон А. Л.* Английская Утопия / пер. с англ. О. В. Волкова. М.: Иностран. лит., 1956. 278 с.
- Некрасова Е. А.* Блейк и Пальмер // Романтизм в английском искусстве: Очерки. М.: Искусство, 1975. С. 45–84.
- Некрасова Е. А.* Вильям Блейк. М.: Искусство, 1960. 72 с.
- Некрасова Е. А.* Вильям Блэйк // Советская культура. 1957. 28 ноября. С. 4.
- Некрасова Е. А.* Творчество Уильяма Блейка. М.: МГУ, 1962. 183 с.
- Рогов В.* Вильям Блэйк, 1757–1827 // Культура и жизнь. 1957. № 12. С. 76–77.
- Сердечная В. В.* Духовные странники. Малоизвестные страницы творческого диалога Николая Гумилева с Уильямом Блейком // Русская литература. 2019. № 3. С. 182–189.
- Сердечная В. В.* Не по-маршаковски: малоизвестные русские переводы Уильяма Блейка начала XX века // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 178–204.
- Сердечная В. В.* William Blake in diaries, correspondence and works of Russian writers: 1900s – 1950s / Уильям Блейк в дневниках, переписке и произведениях русских писателей: 1900-е – 1950-е годы // Scando-Slavica. 2019. Vol. 65. Issue 2. С. 170–191.
- Смирнова О. В.* Пророческие поэмы Уильяма Блейка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 480 с.
- Старосельская Н.* Между эпохами (рецензия на книгу: Блейк В. Стихи. М., 1978.) // Иностранная литература. 1980. № 12. С. 232–233.
- Сухарев (Мурьшкин) С. Л.* Два «Тигра» // Лондонская К. Н. (ред.) Мастерство перевода. Вып. 11. М.: Советский писатель, 1976. С. 296–317.
- Токарев Г. Н.* Стихотворение У. Блейка «Лондон» в переводах С. Маршака: О влиянии контекста на перевод стихотворного произведения // Адибаев Х. А. (ред.) Вопросы поэтики худо-

жественного произведения. Алма-Ата, 1980. С. 128–140.

Токарева Г. А. Миф в художественной системе Уильяма Блейка: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006. 466 с.

Урнов Д. Романтизм: Блейк, «Озерная школа», Вальтер Скотт, Байрон, Шелли, Китс, эссеисты и другие прозаики // История всемирной литературы. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 87–91.

Факторович Д. Вильям Блейк // Звезда. 1957. 28 ноября (на белорус.).

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. Дневник (1936–1969). М.: Агентство ФТМ. Лтд., 2013. 640 с.

Шагинян М. Вильям Блэйк: К двухсотлетию со дня рождения // Известия. 1957. 28 ноября. С. 3–4.

Aers D. Blake: Sex, Society and Ideology // Aers D. (ed.) Romanticism and Ideology. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 27–43.

Auden W. H., Pearson N. H. (eds.) Romantic Poets: Blake to Poe. N. Y.: Viking (Viking Portable), 1950. 540 p.

Bentley G. E., Jr. Blake among the Slavs: A Checklist // Blake / An Illustrated Quarterly. 1977. Vol. 11. Issue 1 (Summer). P. 50–54.

Bewley M. (ed.) The English Romantic Poets: An Anthology with Commentaries. New York: Random House (Modern Library Giant), 1969. 960 p.

Bidney M. A Russian Symbolist View of William Blake // Comparative Literature. 1987. Vol. 39.4. P. 327–339.

Blake W. The works / ed. by E. J. Ellis, W. B. Yeats. In 3 vols. London: Bernard Quaritch, 1893.

Bloom H. The Ringers in the Tower: Studies in the Romance Tradition. University of Chicago Press, 1968. 352 p.

Brandist C. Deconstructing the Rationality of Terror: William Blake and Daniil Kharms // Comparative Literature. 1997. Vol. 49, № 1 (Winter). P. 59–75.

Bronowski J. William Blake: A man without a mask. Secker & Warburg, 1944. 159 p.

Bronowski J. William Blake and the Age of Revolution. New York: Harper and Row, 1969. 207 p.

Gilchrist A. Life of William Blake, 'Pictor Ignotus': in 2 vols. Vol. 1–2. London; Cambridge: Macmillan and Co., 1863.

Erdman D. Blake: Prophet Against Empire: A Poet's Interpretation of the History of His Own Times. Dover, 1954. 528 p.

Essick R. William Blake and the language of Adam. Oxford: Clarendon Press, 1989. x + 272 p.

Frye N. Fearful symmetry. Princeton University Press, 1947. 462 p.

George D. H. Blake and Freud. Ithaca: Cornell University Press, 1980. 253 p.

Hilton N. Becoming Prolific Being Devoured // Studies in Romanticism. 1982. № 22. P. 417–424.

Hilton N., Vogler Th. (eds.) Unnamed Forms: Blake and Textuality. Berkeley: University of California Press, 1986. xiii + 267 p.

Middleton P. The Revolutionary Poetics of William Blake, part II – Silence, Syntax and Spectres // Oxford Literary Review. 1983. № 6. P. 35–51.

Mitchell W. J. T. Blake's Composite Art: a Study of the Illuminated Poetry. Princeton University Press, 1978. xix + 232 p.

Ostriker A. Desire Gratified and Ungratified: William Blake and Sexuality // Blake / An Illustrated Quarterly. 1982–1983. № 16.3. P. 156–165.

Raine K. Blake and Tradition: in 2 vols. Routledge & Kegan Paul, 1969.

Schorer M. William Blake: the Politics of Vision. New York: H. Holt and Company, 1946. 522 p.

Šilina B. William Blake and English Pre-romanticism. Riga: P. Stučcas Latvijas Valsts universitāte, 1982. 56 p.

Stawek T. The Outlined Shadow. Phenomenology. Grammatology. Blake. Katowice: Uniwersytet Śląski, 1985. 166 p.

Swinburne A. Ch. William Blake. A critical essay. London, 1868. 358 p.

Taylor I. The Woman Scaly // Midwestern Modern Languages Association Bulletin. 1973. № 6. P. 74–87.

Warner N. O. Shaw, Tolstoy and Blake's Russian Reputation // Blake / An Illustrated Quarterly. 1983–84. № 17.3 (Winter). P. 102–104.

References

Anikin G., Mikhal'skaya N. Uil'yam Bleik [William Blake]. *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975, pp. 195–200. (In Russ.)

Anikst A. *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English literature]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 464 p. (In Russ.)

Babukh S. Blek [Blake]. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia]. Moscow, Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1930, vol. 1, column 521. (In Russ.)

Balmont K. Praotets sovremennykh simvolistov (Vil'yam Blek, 1757–1827) [Forefather of modern symbolists (William Blake, 1757–1827)]. Balmont K. *Gornye vershiny* [Mountain peaks]. Moscow, GrifPubl., 1904, pp. 43–48. (In Russ.)

Bentley N. Iskusstvo knizhnoy illyustratsii v 19 stoletii: Bleyk, preraphaelity, Berdsley [The art of book illustration in the 19th century: Blake, Pre-Raphaelites, Beardsley]. *Britanskiy soyuznik* [British Ally], 1947, issue 29, p. 11. (In Russ.)

Blake W. *Stikhi = Selected Verse* [Poems = Selected Verse]. Transl. by S. Marshak et al., ed. by A. M. Zverev. Moscow, Progress Publ., 1982. 558 p. (In Russ.)

Vanslov V. V. *Estetika romantizma* [The aesthetics of romanticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966. 402 p. (In Russ.)

Vasil'eva T. Poemy V. Bleyka ('Prorocheskie knigi' 18–19 vv.) [W. Blake's poems (The 'Prophetic books' of the 18th–19th centuries)]. *Uchenye zapiski Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Chisinau State University], 1969, issue 108, pp. 26–311. (In Russ.)

Vengerova Z. A. Vill'yam Blek – rodonachal'nik angliyskogo simvolizma [William Blake – the founder of English symbolism]. Vengerova Z. A. *Literaturnye kharakteristiki* [Literary characteristics]. St. Petersburg, Vineke Publ., 1897, pp. 153–182. (In Russ.)

Vengerova Z. A. Rodonachal'nik angliyskogo simvolizma [The founder of English symbolism]. *Severnyy vestnik* [Northern Herald], 1896, issue 9, pp. 81–99. (In Russ.)

Vinogradov A. K. *Organizatsiya tsentral'noy biblioteki S.S.S.R. kak kul'turnyy pamyatnik Leninu* [Organization of the Central Library of the USSR as a cultural monument to Lenin]. Moscow, 1924. 530 p. (In Russ.)

Girivenko A. N., Nedachina A. R. (comp.) *Angliyskaya literatura v russkoy kritike: Bibliograficheskii ukazatel'. Ch. 1: Srednie veka – 18 vek* [English literature in Russian criticism: Bibliographic index. Pt. 1: Middle Ages – 18th century]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994, pp. 161–165. (In Russ.)

Gorodinskiy V. *Muzyka dukhovnoy nishchety* [Music of spiritual poverty]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1950. 138 p. (In Russ.)

Gorky M. *Povesti. Rasskazy. Skazki* [Novels. Stories. Tales]. Moscow, OLMA-PRESS, 2004. 730 p. (In Russ.)

Gusmanov I. G. *Russkiy Bleyk: lirika Uil'yama Bleyka v zerkale russkogo khudozhestvennogo perevoda. Monografiya* [Russian Blake: The lyrics of William Blake in the mirror of Russian literary translation. Monograph]. Orel, Orel State University Press, 2014–2016, vols. 1–4. (In Russ.)

Gutner M. Bleyk [Blake]. Ed. by M. P. Anisimov et al. *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English literature]. Leningrad, 1945, vol. 1, pp. 613–622. (In Russ.)

Demidova O. R. Nekotorye stilisticheskie osobennosti perevodov stikhotvoreniya U. Bleyka 'Tigr' K. Bal'montom i S. Marshakom [Some stylistic features of translations of W. Blake's poem 'The

Tyger' by K. Balmont and S. Marshak]. *Analiz stiley zarubezhnoy khudozhestvennoy i nauchnoy literatury* [Analyzing the styles of foreign fiction and scientific literature], 1987, issue 5, pp. 126–133. (In Russ.)

Eliustratova A. A. Vil'yam Bleyk: Poet i ego vremya (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [William Blake: The poet and his time (on the bicentenary of the birth)]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1957, issue 10, pp. 189–192. (In Russ.)

Eliustratova A. A. *Nasledie angliyskogo romantizma i sovremennost'* [The legacy of English romanticism and modernity]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1960. 506 p. (In Russ.)

Zverev A. Velichie Bleyka [The greatness of Blake]. Blake W. *Stikhi = Selected Verse* [Poems = Selected Verse]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 5–33. (In Russ.)

Katalog izdatel'stva 'Vsemirnaya literatura' [Catalog of the 'Vsemirnaya Literatura' Publishing House]. St. Petersburg, 1919. 174 p. (In Russ.)

Kenchoshvili I. William Blake. *Mnatobi* [The Light], 1958, issue 3, pp. 163–165. (In Georg.)

Kosacheva E. V. *Ieys i Bleyk: Misticheskii yazyk i mif*. Dis. ... kand. filol. nauk [Yates and Blake: Mystical language and myth. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2002. 245 p. (In Russ.)

Maysuradze M. V. *Ideya i obraz cheloveka v liricheskikh tsiklakh U. Bleyka*. Dis. ... kand. filol. nauk [The idea and image of person in the lyrical cycles of W. Blake. Cand. philol. sci. diss.]. Tbilisi, 1990. 145 p. (In Russ.)

Morton A. L. *Angliyskaya utopiya* [The English utopia]. Transl. from English by O. V. Volkov. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1956. 278 p. (In Russ.)

Nekrasova E. A. Bleyk i Pal'mer [Blake and Palmer]. *Romantizm v angliiskom iskusstve: Ocherki* [Romanticism in English art: Essays]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, pp. 45–84. (In Russ.)

Nekrasova E. A. *Vil'yam Bleyk* [William Blake]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 72 p. (In Russ.)

Nekrasova E. A. Vil'yam Bleyk. *Sovetskaya kul'tura* [Soviet Culture], 1957, Nov. 28, p. 4. (In Russ.)

Nekrasova E. A. *Tvorchestvo Uil'yama Bleyka* [Works by William Blake]. Moscow, Moscow State University Press, 1962. 183 p. (In Russ.)

Rogov V. Vil'yam Bleyk, 1757–1827 [William Blake, 1757–1827]. *Kul'tura i zhizn'* [Culture and Life], 1957, issue 12, pp. 76–77. (In Russ.)

Serdechnaya V. V. Dukhovnye stranniki. Maloizvestnye stranitsy tvorcheskogo dialoga Nikolaya Gumileva s Uil'yamom Bleykom [The mental travelers. Little-known pages of the creative dialogue between Nikolai Gumilyov and William Blake].

Russkaya Literatura [Russian Literature], 2019, issue 3, pp. 182–189. (In Russ.)

Serdechnaya V. V. Ne po-marshakovski: maloizvestnye russkie perevody Uil'yama Bleyka nachala 20 veka [Not in Marshak's style: little-known Russian translations from William Blake in the early 20th century]. *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2019, issue 1, pp. 178–204. (In Russ.)

Serdechnaya V. V. *Uil'yam Bleyk v dnevnikakh, perepiske i proizvedeniyakh russkikh pisatelei: 1900-e – 1950-e gody* [William Blake in diaries, correspondence and works of Russian writers: 1900s – 1950s], *Scando-Slavica*, 2019, vol. 65, issue 2, pp. 170–191. (In Russ.)

Smirnova O. V. *Prorocheskie poemy Uil'yama Bleyka*. Diss. ... kand. filol. nauk [The prophetic poems by William Blake. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003. 480 p. (In Russ.)

Starosel'skaya N. Mezhdru epokhami (retsenziya na knigu: Bleyk V. Stikhi. M., 1978) [Between the eras (A book review: Blake W. Poems. Moscow, 1978.)]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1980, issue 12, pp. 232–233. (In Russ.)

Sukharev (Muryshkin) S. L. Dva 'Tigra' [Two 'Tygers']. *Masterstvo perevoda* [The art of translation]. Ed. by K. N. Polonskaya. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1976, issue 11, pp. 296–317. (In Russ.)

Tokarev G. N. Stikhotvorenie U. Bleyka 'London' v perevodakh S. Marshaka: O vliyaniy konteksta na perevod stikhotvornogo proizvedeniya [W. Blake's poem 'London' in S. Marshak's translations: On the influence of context on the poetic work translation]. *Voprosy poetiki khudozhestvennogo proizvedeniya* [Issues of poetics of a fiction work]. Ed. by Kh. A. Adibaev. Alma-Ata, 1980, pp. 128–140. (In Russ.)

Tokareva G. A. *Mif v khudozhestvennoy sisteme Uil'yama Bleyka*. Dis. ... d-ra filol. nauk [The myth in the artistic system of William Blake. Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2006. 466 p. (In Russ.)

Urnov D. Romantizm: Bleyk, 'Ozernaya shkola', Val'ter Skott, Bayron, Shelli, Kits, esseisty i drugie prozaiki [Romanticism: Blake, the Lake School, Walter Scott, Byron, Shelley, Keats, essayists and other prose writers]. *Istoriya vsemirnoi literatury* [History of World Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, pp. 87–91. (In Russ.)

Faktorovich D. Vil'yam Bleyk. *Zvyazda* [The Star], 1957, November 28 (In Belarus.).

Chukovsky K. I. *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collection of works: in 15 vols.]. Moscow, Agentstvo FTM Ltd. Publ., 2013, vol. 13. *Dnevnik (1936–1969)* [Diary (1936–1969)]. 640 p. (In Russ.)

Shaginyan M. Vil'yam Bleyk: K dvukhsotletiyu so dnya rozhdeniya [William Blake: On the bicentenary of the birth]. *Izvestiya* [News], 1957, Nov. 28, pp. 3–4. (In Russ.)

Aers D. Blake: Sex, society and ideology. *Romanticism and Ideology*. Ed. by D. Aers. London, Routledge and Kegan Paul, 1981, pp. 27–43. (In Eng.)

Auden W. H., Pearson N. H. (eds.) *Romantic Poets: Blake to Poe*. New York, Viking (Viking Portable), 1950. 540 p. (In Eng.)

Bentley G. E., Jr. Blake among the Slavs: A Checklist. *Blake. An Illustrated Quarterly*, 1977, vol. 11, issue 1 (summer), pp. 50–54. (In Eng.)

Bewley M. (ed.) *The English Romantic Poets: An Anthology with Commentaries*. New York, Random House (Modern Library Giant), 1969. 960 p. (In Eng.)

Bidney M. A Russian symbolist view of William Blake. *Comparative Literature*, 1987, vol. 39.4, pp. 327–339. (In Eng.)

Blake W. *The works*. In 3 vols. Ed. by E. J. Ellis, W. B. Yeats. London, Bernard Quaritch, 1893. (In Eng.)

Bloom H. *The Ringers in the Tower: Studies in the Romance Tradition*. University of Chicago Press, 1968. 352 p. (In Eng.)

Brandist C. Deconstructing the rationality of terror: William Blake and Daniil Kharms. *Comparative Literature*, 1997, vol. 49, issue 1 (Winter), pp. 59–75. (In Eng.)

Bronowski J. *William Blake: A Man without a Mask*. Secker & Warburg, 1944. 159 p. (In Eng.)

Bronowski J. *William Blake and the Age of Revolution*. New York, Harper and Row, 1969. 207 p. (In Eng.)

Gilchrist A. *Life of William Blake, 'Pictor Ignotus': in 2 vols*. London, Cambridge, Macmillan and Co., 1863, vols. 1–2. (In Eng.)

Erdman D. *Blake: Prophet Against Empire: A Poet's Interpretation of the History of His Own Times*. Dover, 1954. 528 p. (In Eng.)

Essick R. *William Blake and the Language of Adam*. Oxford, Clarendon Press, 1989. 272 p. (In Eng.)

Frye N. *Fearful Symmetry*. Princeton University Press, 1947. 462 p. (In Eng.)

George D. H. *Blake and Freud*. Ithaca, Cornell University Press, 1980. 253 p. (In Eng.)

Hilton N. Becoming prolific being devoured. *Studies in Romanticism*, 1982, issue 22, pp. 417–424. (In Eng.)

Hilton N., Vogler Th. (eds.) *Unnamed Forms: Blake and Textuality*. Berkeley, University of California Press, 1986. 267 p. (In Eng.)

Middleton P. The revolutionary poetics of William Blake, part II – Silence, syntax and spectres. *Oxford Literary Review*, 1983, issue 6, pp. 35–51. (In Eng.)

Mitchell W. J. T. *Blake's Composite Art: a Study of the Illuminated Poetry*. Princeton University Press, 1978. 232 p. (In Eng.)

Ostriker A. Desire gratified and ungratified: William Blake and sexuality. *Blake. An Illustrated Quarterly*, 1982–1983, issue 16.3, pp. 156–165. (In Eng.)

Raine K. *Blake and Tradition*: in 2 vols. Routledge & Kegan Paul, 1969. (In Eng.)

Schorer M. *William Blake: the Politics of Vision*. New York, H. Holt and Company, 1946. 522 p. (In Eng.)

Šilina B. *William Blake and English Pre-Romanticism*. Riga, P. Stučka Latvijas Valsts universitāte, 1982. 56 p. (In Eng.)

Ślawek T. *The Outlined Shadow. Phenomenology. Grammatology. Blake*. Katowice, Uniwersytet Śląski, 1985. 166 p. (In Eng.)

Swinburne A. Ch. *William Blake. A Critical Essay*. London, 1868. 358 p. (In Eng.)

Taylor I. The Woman Scaly. *Midwestern Modern Languages Association Bulletin*, 1973, issue 6, pp. 74–87. (In Eng.)

Warner N. O. Shaw, Tolstoy and Blake's Russian reputation. *Blake. An Illustrated Quarterly*, 1983–84, issue 17.3 (winter), pp. 102–104. (In Eng.)

WILLIAM BLAKE IN THE SOVIET RECEPTION: FORMING THE IMAGE OF 'REVOLUTIONARY ROMANTIC'

Vera V. Serdechnaia

Academic Editor

'Analitika Rodis' Publishing House

7, Rogozhskaya st., Noginsk, 142400, Moscow Oblast, Russian Federation. rintra@yandex.ru

SPIN-code: 5683-8515

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8718-3556>

ResearcherID: AAH-9753-2020

Submitted 10.04.2020

The article is devoted to a scantily explored aspect of the Russian reception of William Blake: the justification of the poet in Soviet criticism as a 'revolutionary Romanticist'. The purpose of the article is to characterize strategies for understanding the heritage of William Blake by Soviet critics. Soviet Blake was officially 'born' in 1957 – after the World Peace Council's decision on celebrations of the poet's bicentennial. Blake, with a reputation tainted by the Symbolists, needed serious justification in Soviet literary criticism. The arguments for his justification were the revolutionary pathos of his poems, his democratic background and his humanism. It was important to emphasize Blake's proximity to the working class. To introduce Blake into the literary field of Soviet criticism, it was necessary to justify his religiosity; the key to this justification was his humanism and the democracy of his faith. Blake's prophetic poems were interpreted as the product of creative decline generated by the poet's tragic social loneliness. Soviet criticism condemned Balmont's translations and praised Marshak's ones. Making Blake primarily a revolutionist, Soviet critics came to unexpected comments close to vulgar sociology. In Soviet criticism, Blake was a missing link in the development of the 'revolutionary' chain of anti-tyrannical poetry.

The author of the paper collects and classifies references to Blake in Soviet literary and artistic criticism, introduces some little-known facts of reception, classifies and generalizes the Soviet view of Blake as a 'revolutionary Romanticist', characterizes the genesis and content of this approach. The author applies the cultural-historical and comparative-historical methods as well as the principles of receptive aesthetics.

Key words: William Blake; English Romanticism; Soviet criticism; Symbolist criticism; Soviet literary criticism; pre-Romanticism.